

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.15>

UDC 327.5
LBC 66.4

Submitted: 01.09.2023
Accepted: 15.01.2024

THE TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF NATO'S CONVENTIONAL FORCES GROUPINGS

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The deterrence by Western democracies of key opponents, first of all Russia, includes the rapid and scaled increase of NATO's power. The basis of the Alliance's potential consists of a modernized and strengthened system of military groupings. *Methods and materials.* In some scientific papers, there was a perception of NATO as more inertial than the EU. But the contemporary evolution of the Alliance is rather dynamic. The goal of the article is to explore the transformation of conventional NATO's groupings using the theory of armed forces building. The author explores the conceptual level of NATO's development, but key attention is paid to the practical one. *Analysis and results.* The elder system of NATO's military groupings during the former Cold War had as the key element the 1st strategic echelon of troops with its, in fact, unadvanced multilateralism of forces. Since the 2000s, a new system of military groupings has been established. It consists of the Forward Presence Force as the vanguards of the more powerful NATO Response Force (NRF), which was the 2nd strategic echelon of troops. The article explores qualitative and quantitative changes in the military groupings in 2014–2023 in the context of confrontation with the Russian Federation, and the creation of the New NATO Force Model on the basis of NRF (since 2022). The system of NATO's military groupings of the 21st century is organizationally an example of already advanced multilateralism. *Conclusion.* The evolution of NATO's groupings has confirmed the role of the Alliance as an actor in the development of confrontations. The new system of military groupings, developed in 2014–2023, should be more powerful than the one during the former Cold War. The author stresses the regularity of the modernization of the conventional groupings of NATO.

Key words: North Atlantic Alliance, confrontation, deterrence, USA, European member states, Forward Presence Force, NATO Response Force, New NATO Force Model.

Citation. Trunov Ph.O. The Transformation of the System of NATO's Conventional Forces Groupings. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 175-188. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.15>

УДК 327.5
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 01.09.2023
Дата принятия статьи: 15.01.2024

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГРУППИРОВОК КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ НАТО

Филипп Олегович Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Процесс выстраивания «западными демократиями» системы «сдерживания» оппонентов, особенно РФ, значимой частью имел ускоренное надделение НАТО большой дополнительной мощью. Основу потенциала Альянса составляла модернизируемая качественно и наращиваемая система группировок. *Методы и материалы.* Для ряда исследований было характерно восприятие НАТО как более инерционной, чем ЕС, структуры. Но современные реалии показывают динамичность эволюции Альянса. Задача статьи – изучение эволюции конвенциональных (неядерных) группировок блока с опорой на теорию строительства вооруженных сил. Автор статьи обращается к концептуальному уровню, однако подчеркивает первоочередную важность изучения практического среза деятельности Альянса для решения задачи. *Анализ и результаты.* Раскрывается система группировок ОВС НАТО в предшествующую холодную войну: придание предельной мощи I эшелону войск, особенно на территории ФРГ, а также на деле непродвинутая многосторонность сил. С 2000-х гг. стала создаваться новая система из сил передового развертывания (I эшелон) как авангардов основного II эшелона – сил быстрого реагирования (СБР). Прослеживаются качественные и количественные изменения этих группировок в 2014–2023 гг. в условиях конфронтации с РФ, создание на основе СБР новой модели войск НАТО (с 2022 г.). Система группировок блока в XXI в. представляла пример уже продвинутой многосторонности в плане организации. *Заключение.* Развитие военного потенциала подтвердило «заточенность» НАТО как структуры под использование при выстраивании конфронтаций. В своей эволюции система группировок блока, активно создаваемая в 2014–2023 гг., должна превзойти по мощи таковую в предыдущую холодную войну. Подчеркивается планомерность модернизации группировок конвенциональных сил Альянса.

Ключевые слова: Североатлантический альянс, конфронтация, «сдерживание», США, европейские государства-члены, силы передового развертывания, силы быстрого реагирования, новая модель войск НАТО.

Цитирование. Трунов Ф. О. Трансформация системы группировок конвенциональных сил НАТО // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 175–188. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.15>

Введение. Из числа евроатлантических институтов НАТО остается крупнейшим носителем военной мощи «коллективного» Запада. Так, проект «европейской армии» (многосторонних военных сил в подчинении ЕС) продолжает реализовываться достаточно медленно [10; 11]. Напротив, очень быстро выполняются многочисленные решения по расширению географии развертывания и увеличению сил передового развертывания НАТО (*Forward Presence Force, FP*) [29], наращиванию сил быстрого реагирования (*NATO Response Force, NRF*) [28], их реорганизации с 2022–2023 гг. в намного более мощную новую модель войск НАТО (*New NATO Force Model, NNFМ*) [14; 30; 33]. Все они представляют постоянные (постоянно действующие) группировки, которые составляют «ядро» объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО.

Методы и материалы. *Задача* статьи – исследование эволюции системы группировок конвенциональных (неядерных) сил в подчинении НАТО как организации. Логика работы потребовала обращения ко всему периоду существования Альянса. Однако наиболее пристальное внимание сосредоточено на периоде с середины 2010-х гг. – времени наиболее

масштабных изменений в развитии группировок блока. Автор отнюдь не умаляет политическую и военную значимость оружия массового уничтожения (ОМУ). Однако на практике существенная часть нагрузки продолжает лежать именно на конвенциональных (обычных; неядерных) силах: эта тенденция в полной мере относится и к Североатлантическому альянсу.

Современная траектория развития НАТО закономерно задается во многом с учетом опыта предыдущей холодной войны. Тогда само возникновение Альянса, совершенствование его возможностей происходило не просто под предлогом противодействия «советской угрозе», но педалирования восприятия *конвенциональной* мощи СССР, его государств-союзников по Организации Варшавского договора (ОВД) как количественно *намного большей*, чем имела у самих «западных демократий» в Европе [4; 9; 19]. В данном контексте разрабатывались и претворялись на практике масштабные меры, обозначаемые как *асимметричные* и *симметричные* ответы.

Наиболее значимая такая мера из первой группы – динамичное развитие США своего ядерного арсенала и средств его достав-

ки с размещением части этих вооружений в самой Европе. Соединенные Штаты создали и испытали атомное оружие до начала холодной войны, а в дальнейшем, особенно до осознания эффекта «ядерной зимы» (в 1970-е гг.), разрабатывали наступательные планы по его активному применению против СССР и его союзников, в том числе превентивно. По числу ядерных боеголовок, носителей ОМУ Соединенные Штаты вплоть до середины 1970-х гг. заметно превосходили Советский Союз [4, с. 442]. Данная более чем опасная для существования СССР разница заставляла его искать свои асимметричные ответы [4; 8]: в частности, пойти на скрытое размещение нескольких десятков своих ракет-носителей ЯО на территории Кубы в 1962 г. [1, с. 116–132]. На момент одноименного кризиса Советский Союз имел порядка 300 носителей ОМУ, Соединенные Штаты – 5 тысяч, то есть примерно в 17 раз больше (!) [8, с. 80]. Закономерно, что особенно чувствительной реакция СССР была в ответ на размещение или усиление ядерного потенциала США в неядерных странах-участницах НАТО в Европе.

Другая мера, которая рассматривалась как асимметричный ответ, – создание в государствах-членах НАТО в Европе глубоко законспирированной сети военизированных структур. Они должны были активизироваться в случае перерастания холодной войны в горячую, прежде всего продвижения войск СССР, его союзников по ОВД вглубь зоны ответственности Альянса. Задача данных структур – осуществление диверсионно-подрывной деятельности. Их прообразом рассматривалось движение Сопrotивления гитлеровской оккупации [19, р. 12–35]. Данная сеть не может быть отнесена к конвенциональным многосторонним силам НАТО вследствие многих своих признаков. Это неофициальный (тайный) характер функционирования; повстанческий (по факту выстроенный спецслужбами) тип внутренней организации, а не традиционной для регулярных войск; а главное – тактики планируемого использования. По сути, рассматриваемые структуры имели радикальную направленность, во многих случаях террористическую. С учетом фактора поддержки и опеки со стороны властей, силовых ведомств на протяжении десятилетий у

этих структур повышалось осознание самоценности. Как результат, они все более начинали представлять внутреннюю угрозу безопасности для самих стран происхождения [19]. Иллюстрацией стало участие членов одной из таких структур в Турции в убийстве российского летчика со сбитого самолета Су-24 в ноябре 2015 года.

К числу *симметричных* мер Альянса в прошлую холодную войну относилось включение ФРГ в НАТО (1955 г.) в увязке с осуществлением ее ремилитаризации под контролем «западных держав». Создание мощного бундесвера (до 500 тысяч военнослужащих, не считая сил территориальной обороны) позволило заметно увеличить войсковое «наполнение» группировок Альянса в Центральной Европе. Как результат, ОВС НАТО и ОВД в регионе в 1970-е – 1980-е гг. фактически сравнялись по численности [4, с. 486, 490]. Другой шаг – совершенствование многосторонних систем управления, планирования, тактик применения войск в Альянсе с учетом опыта ОВД. Эти вопросы нашли детальное освещение в работе З. Лауча [9, с. 73–130].

Следует также обратить внимание на публикации, которые посвящены различным аспектам развития военной мощи Запада после окончания предшествующей холодной войны. Примечательны работы Д. Миллера и К. Грея о факторе военной силы. Первый автор осмысляет, насколько ее применение соответствует нормам демократии [25, р. 12–25]; второй эксперт указывает на резкое сокращение возможностей по ее использованию по окончании Второй мировой войны [20, р. 4–14]. Оба исследователя подробно останавливаются на феномене более низкого, чем у многих континентальных государств-членов Альянса, порога (условий для) ее применения у США [20, р. 32–45; 25, р. 27–46]. Притом в основном рассматриваются кейсы операций 1990-х – начала 2010-х гг., географически в большинстве проводимые вне зоны ответственности НАТО – прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке. Соответственно, такие работы [27] уже вследствие времени публикации не учитывают в принципе или частично влияние фактора конфронтаций между «западными демократиями» и Россией, Китаем, а также Ираном. Еще одно «узкое место» дан-

ных публикаций – слабое освещение особенностей комплектования и развертывания многосторонних миссий НАТО: обычно внимание авторов обращено на стратегии и тактики использования ВС США или других конкретных государств блока.

Растущее внимание уделяется соотношению функционалов НАТО и ЕС в контексте развития военного потенциала последнего. Так, показательна работа Т. Койвулы – исследователя из Финляндии, на момент выхода книги (2016) условно нейтральной страны. Автор весьма оптимистично оценивал перспективы различных небоевых миссий под эгидой ЕС (прежде всего, по реформе сектора безопасности, поддержанию мира, борьбе с пиратством), не исключая полностью и силовых таких. Это вписывалось в эволюцию стратегической культуры объединения, постепенно переставшего быть продуцентом лишь «мягкой силы» [23]. Данная проблематика нашла заметное отражение и в работах отечественных исследователей, из которых следует прежде всего отметить А.С. Сидорова и В.Н. Чернегу. По состоянию на конец 2010-х гг. они дали подробную оценку военно-политических возможностей ЕС в отдалении от Евро-Атлантического сообщества – прежде всего, по борьбе с угрозами нестабильности [10–12]. Однако у развития потенциала ЕС существует ряд ограничителей, едва не ключевой из которых является резкое наращивание мощи группировок НАТО, что не позволяет «западным демократиям», как минимум, на среднесрочную перспективу параллельно выделить достаточные силы для реализации проекта «европейской армии». В целом в исследовательской среде Европейский союз воспринимался как актер, обладающий определенной стратегической новизной в сравнении с Североатлантическим альянсом; НАТО виделась как более инерционная в своем развитии.

Однако в современных условиях выстраивания «западными демократиями» систем «сдерживания» оппонентов Альянс демонстрировал способность к глубоким и притом весьма динамичным внутренним изменениям. Заметный рост исследований по развитию и деятельности Альянса в целом [3; 5; 6] сочетался с все еще достаточно ограниченным вниманием к эволюции группировок блока,

то есть ключевой части его военного инструментария.

Для понимания особенностей данного процесса значимо обращение к концептуальному срезу, который в случае НАТО является многоуровневым. Это, во-первых, основополагающие юридические акты, задающие общие рамочные условия для функционирования Альянса (прежде всего Вашингтонский договор 1949 г., Статут войск НАТО 1951 г.). Будучи разработано еще на стартовых этапах предшествующей конфронтации Запад – Восток, содержание данных документов не подвергалось какой-либо заметной корректировке, что подавалось как свидетельство долгосрочной неизменности общих ценностей и интересов «западных демократий». Во-вторых, это стратегические концепции, ставшие несекретными после окончания предшествующей холодной войны и принимаемые с интервалом в 8–12 лет (1991, 1999, 2010, 2022 гг.). Данный тип документов фиксировал наиболее масштабные изменения в приоритетах развития и функционирования НАТО. В-третьих, это развернутые официальные совместные заявления (коммюнике), принимаемые на саммитах Североатлантического альянса (кроме технических таковых). До конца 2010-х гг. они проводились обычно с интервалом в 2 года, затем став ежегодными. На ряде саммитов, особенно 2022 г. в Мадриде и 2023 г. в Вильнюсе, совместные заявления публиковались еще до последнего дня мероприятия [24; 33]. Это иллюстрировало не только и не столько тщательную предварительную проработку вопросов, но подчеркивало способность «западных демократий» достигать консенсуса по очень широкому спектру вопросов в условиях ужесточения конфронтаций. Многоуровневость концептуальных документов обеспечивает гибкость и оперативность в вопросе обновления доктринальных установок.

Показателен заметный рост внимания в них к эволюции группировок в подчинении Альянса: так, новая модель военных сил блока стала важнейшим приложением к стратегической концепции, принятой на Мадридском саммите 28–30 июня 2022 г. [24; 26; 30]. Комплекс положений по совершенствованию имевшихся, развертыванию новых группировок НАТО располагался в центральной части со-

вместных заявлений по итогам саммитов, начиная с мероприятия в Уэльсе (2014 г.) (см.: [24; 33]). Притом подчеркивалось, особенно в документах 2022–2023 гг., что концепция войсковых механизмов в подчинении НАТО находилась в процессе постоянного совершенствования и уточнения [28; 29].

На доктринальном уровне фиксируются промежуточные результаты наращивания военно-ресурсного потенциала НАТО. Полноценная динамика данного процесса может быть отслежена и понята лишь в случае обращения к практическому срезу. Огромный массив реализуемых здесь шагов требует методологических решений для своего упорядоченного расположения и исследования. В этой связи автор считает необходимым обратиться прежде всего к теории строительства вооруженных сил [7], применив ее не к национальным ВС, а к ОВС НАТО. Теория строительства вооруженных сил рассматривает их как живой, постоянно эволюционирующий механизм; облик его организационно-штатной структуры (ОШС), особенно ее современные изменения, позволяют четко представлять намерения актора, чья «военная машина» исследуется [7]. Для понимания типологизации, военной и политической значимости каждой из постоянных группировок важно обращать внимание не только на декларируемое предназначение, состав, географическое расположение, численность, но и состав комплектующих государств-членов, степень продвинутой организации многосторонних сил.

Анализ. В предшествующую холодную войну наиболее мощным являлся I стратегический эшелон ОВС НАТО. Геостратегически это объяснялось относительной близостью линии размежевания Запада и Востока к центрам ведущих европейских «либеральных демократий». Уже внутри передовой части зоны ответственности НАТО безусловный приоритет при размещении ОВС Альянса отдавался центру – территории Западной Германии, в намного меньшей степени южному (системообразующий элемент из числа государств-членов – Турция) и северному (ключевая роль у Норвегии) флангам.

Крупные контингенты «западных держав» (США, Великобритании, Франции), а также Бельгии, Нидерландов и Канады, дислоци-

рованные в западногерманских землях еще со времени окончания Второй мировой войны, были дополнены созданным после вступления ФРГ в НАТО (1955 г.) мощным бундесвером, что был полностью интегрирован в Альянс. По мере доведения бундесвера до согласованной с союзниками структуры и численности последняя в 1970–1980-е гг. оказалась примерно равна общим размерам союзнических контингентов: каждая из этих составляющих ОВС НАТО насчитывала порядка 0,5 млн военных, то есть суммарно 1,0 млн [18, S. 2]. На флангах Альянса его ОВС в доминирующей степени были представлены войсками национальных ВС соответствующих стран-участниц; на южном они дополнялись контингентами США, на северном – практически нет. Эти особенности предопределили учреждение именно на территории ФРГ сразу двух групп армий НАТО – северной (что отражало лимиты стратегического внимания Альянса по линии ОВС к Северной Европе) и центральной (СГА и ЦГА); на флангах передовой зоны ответственности таковые объединения отсутствовали. Для наиболее активно участвовавших в деятельности ОВС НАТО европейских континентальных государств-членов (Западной Германии, Нидерландов, Бельгии) организационно высшей войсковой единицей стал армейский корпус (АК), для США и Великобритании – полевая армия (ПА; соответственно американская 7-я ПА и британская Рейнская армия на территории ФРГ), включавших 1–2 АК. Сохранение армейских управлений де-факто выступало одной из «визитных карточек» принадлежности к кругу «западных держав» в реалиях биполярного миропорядка. Это было характерно и для Франции, де-юре не участвовавшей в комплектовании ОВС со второй половины 1960-х годов¹. Притом каждый АК по мощи вполне соответствовал полевой армии – подтверждением тому было сведение ОВС НАТО в Западной Германии в группы армий, а не корпусов. Основными «кирпичиками» ОШС ВС указанных государств были дивизия и бригада, составленная из отдельных батальонов, то есть в соответствии с англосаксонской традицией произошел отказ от полкового звена (исключение – Франция).

ОВС Альянса на территории ФРГ считались, в том числе каждая из групп армий,

многонациональными. Однако на деле каждый АК являлся составной частью лишь одних национальных ВС. В такой ситуации многосторонность на практике обеспечивалась «чересполосицей» расположения корпусов различных государств-членов [9]. Наиболее отчетливым это было в случае северной группы армий, которую образовывали по одному корпусу от Нидерландов, Западной Германии (1-й), Великобритании, Бельгии²; в центральной два АК США (5-й, 7-й) располагались в середине, а по флангам – два АК бундесвера (3-й и 2-й) [9, р. 260–263; 31, р. 14]. К каждому соединению прикреплялись миссии связи (до нескольких десятков человек) от соседних таковых, представляя собой один из типов «скреп», которые обеспечивали многосторонность. Другой их вид – в полной мере многонациональные общие штабы (прежде всего, на уровне групп армий, ОВС Альянса в Центральной Европе, НАТО в целом).

В отличие от I стратегического эшелона войск НАТО, который был очень мощным, II таковой был весьма слабым. Так, на западноевропейском направлении большинство первоочередных соединений и частей Великобритании, стран Бенилюкса или были дислоцированы в ФРГ, или подлежали оперативной переброске туда в случае кризиса. Франция с 1966 г. не участвовала в работе военных структур блока, а, следовательно, ее войска могли присоединиться к ОВС Альянса только по отдельному решению правительства. Притом к II эшелону относились контингенты США, размещенные в соответствующих странах-участницах НАТО (прежде всего, Великобритании в Западной Европе и Италии – в Южной Европе). III стратегический эшелон (общий резерв) был представлен соединениями ВС США, которые на постоянной основе дислоцировались в Соединенных Штатах и подлежали переброске в Европу в кризисной ситуации. Притом прежде всего речь шла о перемещении личного состава как такового, так как на местах в Европе (прежде всего, на территории ФРГ) располагались склады с военной техникой и вооружениями, предметами военного снабжения.

В целом США, подтверждая свое положение как ведущей державы НАТО, вносили вклад в функционирование всех стратегичес-

ких эшелонов войск Альянса, но основное внимание уделяли I (передовой) и III (стратегический резерв). Такая схема давала Белому дому возможность не только наращивать силы и тем оказываемое на оппонента давление, но и обеспечивала гибкость в плане использования войск. Последнее положение оказалось особенно востребованным в условиях Второй индокитайской войны 1964–1972 гг., когда США перебросили во Вьетнам большинство формирований армии, сосредоточенных в метрополии, и даже отдельные части из Западной Европы (см.: [32]). Притом Белый дом действовал в национальном статусе, не ставя в принципе вопрос об использовании НАТО. Этот кейс показал особую важность Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) для США даже в условиях фокусирования на ведении лишь одной конфронтации – с СССР и его союзниками по ОВД.

Свертывание холодной войны задало ряд новых рамочных условий для развития группировок ОВС НАТО:

– **перенаправление основного внимания НАТО с деятельности внутри (точнее, вдоль периметра) зоны ответственности на вовне** – прежде всего, на борьбу с угрозами нестабильности (особенно с международным терроризмом) в целом и урегулирование вооруженных конфликтов [27]. В военном отношении наиболее значимой мерой являлось развертывание крупных миссий с многочисленной наземной компонентой. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. они были учреждены на Балканах – в Боснии и Косово (после проведения в 1995 г. против Республики Сербской и в 1999 г. против Сербии боевых воздушных операций с задействованием ресурсов и механизма ОВС НАТО), Македонии; с начала 2000-х гг. – в Афганистане. Последнее направление на протяжении двух десятилетий (2002–2021 гг.) оставалось крупнейшим для использования потенциала НАТО, то есть прежде всего ее ОВС, в отдалении от зоны ответственности. Для обеспечения мер по миротворчеству и поддержанию мира, а также содействию обучению сил безопасности в стране происхождения конфликта, развертывались многонациональные группировки НАТО с разбивкой их по секторам ответственности (обычно по сторонам света,

возможностью выделения отдельного столичного) [31, р. 67, 73, 81]. В каждом из них одна из стран-участниц принимала на себя функции «рамочного государства», то есть играла направляющую роль в работе многонационального штаба и предоставляла наибольший по численности контингент в состав многосторонней группировки. Соответственно, она становилась таковой в полном смысле этого эпитета. В Боснии и Косово в каждом из секторов было изначально развернуто по 1–2 бригаде, притом уже в конце 1990-х гг. последовали заметные сокращения, а с 2000-х гг. основным «кирпичом» многонациональных группировок стали отдельные батальоны. В Афганистане на протяжении большей части функционирования миссии *ISAF* (под командованием НАТО с 2003 г.; отрезок до вывода основных сил – 2003–2012 гг.) шло постепенно наращивание сил каждого регионального командования до одной или нескольких бригад [22];

– **продолжительные (с 1990-х по середину 2010-х гг.) и масштабные сокращения всех основных параметров национальных ВС и тем ОВС НАТО**, – численности личного состава, единиц вооружений и военной техники, объемов запасов предметов военного снабжения. Так, на 1989 г. в ВС европейских стран-участниц НАТО насчитывалось 3 532 тысячи военнослужащих [17, р. 7–8], в 2014 г. – 1 825 тысяч солдат и офицеров (рассчитано по: [15, р. 12]), то есть более чем в 1,9 раза меньше. На данном временном отрезке (1989–2015 гг.) численность ВС США сократилась с 2 241 до 1 338 тысяч человек (почти в 1,7 раза), крупнейших ВС в зоне прежнего I стратегического эшелона: ФРГ – с 503 до 178 тысяч (в 2,8 раза), Турции – с 780 до 427 тысяч солдат и офицеров (в 1,8 раза) [15, р. 12; 17, р. 7–8]. Соответственно, в «военных машинах» государств-членов НАТО резко уменьшилось и число войсковых единиц: шел поэтапный процесс расформирования большинства управлений корпусов, существенной части (до половины и более в зависимости от конкретных ВС) дивизий. Заметно сократившиеся в числе бригады превратились в основной «кирпич» вооруженных сил. Все это вело к уменьшению численности ОВС НАТО, требуя глубокой модернизации ее ОШС;

– **поэтапное существенное (на многие сотни км) смещение границы зоны ответственности НАТО в Европе на восток** в результате расширения Альянса. Результатом вхождения в его состав массива государств Восточной Европы, стран Балтии (в 1999–2007 гг.) стало приближение блока вплотную к границам западной части постсоветского пространства. Это сочеталось с фактическим упразднением I стратегического эшелона ОВС в его прежней конфигурации. Данный процесс стартовал уже с начала 1990-х гг., набрав повышенную скорость и став подходить к завершению в середине 1990-х годов. Он был тесно связан с выводом группировки российских (советских) войск из новых земель ФРГ, то есть бывшей ГДР, что было осуществлено к осени 1994 г. и во многом рассматривалось государствами-членами НАТО как фактическое окончание военного измерения холодной войны. Сокращения бундесвера, частичный вывод союзнических контингентов (в случае Канады – полный) с территории ФРГ сочетались с поиском новых форм сохранения здесь многостороннего присутствия государств-членов НАТО. В 1993–1995 гг. было создано несколько двух- и трехсторонних корпусов (германо-американский, американо-германский, франко-германо-бельгийский, германо-нидерландский). Корпус получал примерно равный объем сил и средств (обычно по одной дивизии) от каждой страны-участницы [13, S. 33–39]. Большинство соединений и частей многосторонних корпусов продолжали оставаться однонациональными; в двух корпусах с совместным участием ФРГ и США штабы также оставались однонациональными: управление («большое») корпуса комплектовалось персоналом ведущей страны-участницы, с которой кооперировался дивизионный («малый») штаб другой. Тем самым на более низком организационно уровне (корпуса, а не группы армий) воспроизводилась схема построения многонациональных ОВС НАТО 1950–1980-х годов. Показательно, что оба корпуса с совместным участием США и ФРГ были расформированы уже к началу XXI века. Однако появились растущие по числу исключения из данного правила. Действительно, многосторонними стали франко-германская бригада, штаб франко-германо-бельгийского

(вскоре ставший Еврокорпусом) и особенно германо-нидерландского корпусов [13, S. 33–39]. С одной стороны, по линии войсковых единиц официальным Бонну / Берлину и Амстердаму потребовалось намного большее время для создания военных формирований совместного комплектования: их учреждение стартовало лишь с середины 2010-х гг. (в 2014, 2016 и 2023 гг. в состав каждой из трех действовавших дивизий бундсвера было включено по одной бригаде нидерландских войск [21]). С другой – опыт по созданию управления двустороннего корпуса с сохранением его подчиненности ОВС НАТО оказался весьма востребованным при создании многонациональных управлений: в частности, германо-польско-датского корпуса (1999 г.), в 2015 г. ставшего «ядром» для штаба корпуса «Северо-Восток» СПР.

В 1990-е – начале 2010-х гг. происходило уменьшение ОВС НАТО в целом и особенно постоянных группировок в их составе. Помимо сокращений национальных ВС это также объяснялось росшими объемами их использования под эгидой других (помимо Альянса) международных структур: национальной (что было особенно характерно для США, Великобритании, отчасти Франции), ООН, Европейского союза и даже Африканского союза (в данном случае наиболее иллюстративен кейс ФРГ). Соответствующие миссии во многом формировались из подразделений, которые выделялись соединениями и частями, что находились (точнее, числились) в составе ОВС НАТО. Такая практика, несколько позднее получив наименование единого подхода для использования войск (*single set of forces*), становилась все более распространенной по мере сокращений национальных «военных машин», особенно в случае «старых» (вступивших в НАТО до 1990 г.) государств-членов. Иными словами, возникал растущий разрыв между увеличением спектра задач и уменьшением числа войсковых единиц для их решения. Частью более общей тенденции стало сокращение военного присутствия США в Европе: с 315,2 тысяч военнослужащих в 1989 г. до 105,9 тысяч в 2002 г., 65,9 тысяч солдат и офицеров в 2010 г., оставаясь примерно на этом уровне до начала 2020-х гг. [32]. Военно-стратегическое внимание оказалось обращено при администра-

ции Дж. Буша-младшего на Ближний и Средний Восток, а при Б. Обаме стало перемещаться в АТР. В данной связи сокращавшаяся группировка в Европе использовалась как крупный оперативный резерв для действий на других направлениях, а базы США здесь (прежде всего, в ФРГ) использовались как хабы. В отношении самих себя Соединенные Штаты стремились резко уменьшать в абсолютном и особенно удельном отношении свой до этого большой вклад в функционирование блока, одновременно сохраняя направляющую роль в определении контуров развития Альянса, в том числе характера и состава его группировок. Одновременно Белый дом стимулировал европейские государства-члены к принятию большей практической нагрузки по «европеизации» НАТО, в том числе в плане комплектования его группировок в увязке с воссозданием их системы в обновленных формах.

Такой подход встречал в целом положительную реакцию европейских «западных демократий», в том числе «старых» стран-участниц НАТО, многие из которых (прежде всего, Германия) рассматривали увеличение своего удельного веса в функционировании блока и создание профильного потенциала ЕС двумя составляющими единого процесса. Так, это отчетливо проявилось в принятии формулы «Берлин +» (2002 г.), которая на длительную перспективу определила особенности сотрудничества двух ключевых евро-атлантических институтов в сфере безопасности и обороны, решений 2002–2003 гг. о создании сил быстрого реагирования НАТО, 2004 г. – первых элементов (военно-морских и воздушных) нового I стратегического эшелона НАТО в Восточной Европе (в последующем получившего название СПР) [28; 29].

Данные шаги привели к созданию системы постоянных группировок как вновь наращиваемого «ядра» ОВС НАТО, которые отличались от таковых времен предшествующей холодной войны не только в количественном, но, главное, *качественном* отношении.

Хронологически в каждом случае старт нового этапа в развитии группировок ОВС НАТО отделял от начала предыдущего отрезок в 7–10 лет. Фактическое упразднение прежнего I стратегического эшелона НАТО произошло в 1994–1995 гг., принятие решений

о создании СБР и первых элементов СПР – в 2003–2004 гг., комплекс мер по наращиванию *NRF* и развертыванию наземной составляющей *FP* – 2014–2016 гг., дальнейшее мощное усиление последней и создание огромной *NNFM* – в 2022–2023 годах. Это составляло около половины времени от одного поколения людей (20 лет): столько требовалось для осмысления целесообразности и подготовки на уровне Альянса стран-участниц шагов по созданию новых войсковых механизмов в составе ОВС НАТО.

Географически сетка группировок постепенно покрыла всю территорию зоны ответственности НАТО в Европе. *NRF*, представляя «ядро» основных сил ОВС Альянса, в основном располагались в глубине его зоны ответственности, то есть являли ключевой элемент войск II стратегического эшелона (сил в глубине зоны ответственности блока в Европе). *FP* развертывались в массиве восточноевропейских стран-участниц Альянса (сначала на морях, с 2016–2017 гг. в северной части Восточной Европы и в последующем, с 2022 г., уже на юге региона [29]). Наконец, *NNFM* стали увеличенным и качественно перестроенным вариантом *NRF* [28; 30], а за *FP* окончательно утвердилась роль усиленных авангардов [29].

Существовало два основных вида *ротационного* комплектования постоянных группировок. **Первый тип** – это временная передача от национальных ВС в состав группировок НАТО конкретного соединения целиком или большей его части. Примеры этого – функционирование «ядра» наземного формирования сил сверхповышенной боевой готовности (*Very High Readiness Joint Task Force, VJTF*) СБР: соответствующую роль брала на себя бригада наземных войск одной из крупнейших стран-участниц НАТО, кроме США (от Великобритании, Германии, Испании, Италии, Польши, Турции, Франции) [28]. Другой пример – это функционирование «тяжелой» (с 2017 г.; в Польше и странах Балтии) и «легкой» (с 2022 г., в Болгарии, Венгрии, Словакии, Румынии) бригад США в составе СПР: каждые 9 месяцев эту роль посменно принимали на себя одна из бронетанковых (бронекавалерийских) и пехотных, воздушно-десантных бригад ВС США соответственно [16].

Второй тип – это посменная (временная) передача в состав формирований НАТО личного состава, вооружений и военной техники от частей и соединений национальных ВС. Тем самым создавались войсковые единицы под командованием Альянса, притом упразднению³ не подвергалась ни одна из задействованных одонациональных бригад и нижестоящих формирований. Их ослабление было временным и некритическим в каждом конкретном случае: обычно изымалось до 10 % (к середине 2020-х гг. – до 15–20 %) от состава на полгода. В результате при том же количестве войск возникали дополнительные войсковые единицы. По такому принципу комплектовались все наземные боевые группы СПР НАТО (то есть не включая бригады США), оперативные военно-морские группы и миссии по патрулированию воздушного пространства [29].

Логично, что первый тип комплектования означал сохранение «ядра» или всей войсковой единицы в подчинении НАТО одонациональной, второй делал ее многонациональной, притом это была *продвинутая многосторонность* и обычно с участием достаточно широкого состава (обычно 4–10) государств-членов.

Особенностями участия конкретных национальных ВС в функционировании создаваемой сети группировок НАТО являлось первоочередное, максимально широкое вовлечение в данный процесс «военных машин» «старых» европейских континентальных государств-членов блока. Так, они вносили преобладающий в удельном весе вклад в комплектование *NRF* (иногда до 80–90 %), многосторонних боевых групп *FP*, вновь создаваемой (с 2022 г.) *NNFM* [14]. Чем это было обусловлено? В отличие от предшествующей холодной войны, в современных реалиях «западные демократии» участвовали сразу в двух параллельно развивавшихся конфронтациях – с Россией и Китаем [26]. В такой ситуации возникло следующее разделение военно-стратегической ответственности между США и европейскими государствами-членами НАТО: Белый дом направлял основные усилия своих ВС, в том числе армии, на «сдерживание» КНР, а партнеры в Европе – на противодействие РФ. Показательно, что накануне и на

фоне начала вынужденной СВО России военное присутствие США в Европе выросло с 80 до 100 тысяч военнослужащих [16], что составляло лишь 7,5 % от общей численности ВС (рассчитано по: [15; 16]), а затем стало снижаться.

Восточноевропейские страны-участницы НАТО, особенно Польша, республики Балтии и Румыния, проявляли повышенную заинтересованность в размещении у себя контингентов под эгидой Альянса – СПР и временно (на время конкретных учений) отдельных компонент СБР. Однако сами эти игроки предпочитали использовать большинство формирований своих национальных ВС де-юре вне данных группировок, тем обеспечивая существенную гибкость. Притом на практике наблюдалось тесное сотрудничество этих двух категорий войск – прежде всего, между соединениями и частями государства-реципиента и размещенными вблизи них таковыми СПР НАТО (см.: [29]).

Организационно система постоянных группировок ОВС НАТО во втором полугодии 2023 г. находилась в состоянии ускоренного приближения к перспективному облику.

Силы передового развертывания имели в своем составе военно-морскую (по одной оперативной морской и контрминной группе в акваториях к югу и северу от Восточной Европы), военно-воздушную (миссии по пат-

рулированию воздушного пространства Балтии, Румынии и стран-участниц НАТО в Восточной Европе в целом) и наземную составляющие. Войсковым «кирпичом» последней с 2022 г. постепенно становится уже не батальонная тактическая группа, но бригада. Соответствующее увеличение уже стартовало в случае многосторонних боевых групп СПР в Литве и Польше [29], в последующем может затронуть все или почти все данные механизмы. Как следует из таблицы, преобладающую часть нагрузки (за исключением боевой группы в Польше) вносили европейские страны-участницы; параллельно в составе СПР функционировали две бригады США – «тяжелая» (в странах северной части Восточной Европы) и «средняя» (в южной таковой) с перспективой добавления еще одной «тяжелой». Многосторонние батальонные и бригадные группы постепенно переходят под управление многонациональных же штабов дивизий и корпуса «Северо-Восток» СПР; бригады США – вновь развернутого в регионе штаба их 5-го АК [16]. Уровень учрежденных штабов подтверждает тенденцию дальнейшего роста СПР Альянса; на июль 2023 г. их численность составляла уже порядка 30 тысяч военнослужащих [2].

Силы быстрого реагирования были увеличены до 40 тысяч (с прежних 13 тысяч) с созданием *VJTF* еще в 2014 г. [28]. В ходе

Структура наземной компоненты многосторонних формирований СПР НАТО (на июль 2023 г.)

The structure of the land component of multilateral units of NATO’s Forward Presence Force (as of July 2023)

Государство-реципиент	Подчинение дивизии СПР	«Рамочное государство»	Остальные государства-комплектаторы
Эстония	«Север»	Великобритания	Дания, Исландия, Франция
Латвия	«Север»	Канада	Албания, Дания, Исландия, Испания, Италия, Польша, Северная Македония, Словакия, Словения, Черногория, Чехия
Литва	«Северо-Восток»	Германия	Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, США, Хорватия, Чехия
Польша	«Северо-Восток»	США	Великобритания, Румыния, Хорватия
Словакия	«Центр»	Чехия	Германия, Словения, США
Венгрия	«Центр»	Венгрия	Италия, США, Турция, Хорватия
Румыния	«Юго-Восток»	Франция	Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Польша, Португалия, США
Болгария	«Юго-Восток»	Италия	Албания, Греция, Северная Македония, США, Турция, Черногория

Примечание. Составлено по: [29].

последующего 8-летнего цикла роль «рамочного государства» при комплектовании соединения сверхповышенной боевой готовности дважды принимала Германия (в 2015 и 2019 гг.), по одному разу – Испания (2016 г.), Великобритания (2017 г.), Италия (2018 г.), а также Польша (2020 г.), Франция (2021 г.), Турция (2022 г.) (см.: [28]).

На Мадридском саммите Альянса было принято решение о создании на основе СБР двух первых категорий *новой модели войск* НАТО: первой (100 тысяч военнослужащих) – со сроком приведения в состояние полной боевой готовности 10 дней, второй (200 тысяч солдат и офицеров) – до месяца [30]. Эти войска развертывались с использованием формирований национальных ВС, ранее задействованных в составе *VJTF* (для первой категории новой модели войск) и *NRF* в целом. При этом обе последних группировки де-факто продолжали функционировать: так, в рамках нового цикла роль «рамочного государства» для *VJTF* приняла Германия [28]. Кроме того, учреждалась и третья категория войск новой модели войск НАТО – численностью в 500 тысяч военнослужащих, сроком приведения в готовность до полугода [30]. Тем самым в подчинение Альянса передавались войсковые силы размером в 0,8 млн военных.

Результаты. Ход эволюции группировок конвенциональных сил НАТО подтвердил, что Альянс являлся прежде всего структурой, «заточенной» под использование в ходе выстраивания конфронтаций с оппонентами. Развитие рассмотренных механизмов проходило почти непрерывно – уже с начала XXI в. стартовало создание новой их сети. Данный факт являлся косвенным подтверждением тщательно планируемой и заранее осуществляемой подготовки «западных демократий» к будущему, ставшему реальностью с 2014 г., «сдерживанию» РФ и в целом влиятельных игроков вне своего сообщества. Вновь создаваемые и наращиваемые группировки заметно отличались от предшественниц в качественном плане, особенно в деле имплементации принципа мультилатерализма в процессе строительства вооруженных сил: они являлись примером войсковых механизмов продвинутой многосторонности. Соответствующий опыт был наработан при развертывании миссий

НАТО на Балканах и Афганистане, чей состав все время изменялся, и перенесен уже на постоянные группировки внутри зоны ответственности Альянса.

Если в предшествующую холодную войну наиболее мощными по составу являлись группировки I стратегического эшелона ОВС НАТО, то в реалиях современных конфронтаций – уже II такового. Данное положение позволяло отрабатывать удары из глубины, обеспечивая быстрое и резкое изменение соотношения сил на избранных направлениях. Политически это объяснялось резко возросшим в удельном отношении, ставшим уже определяющим, вкладом «старых» европейских государств-членов НАТО в комплектование всей системы ОВС Альянса. США стремились сохранить за собой общее стратегическое руководство, но в войсковом отношении вносили заметный вклад лишь в комплектование СПР, и в целом сосредоточились прежде всего на «сдерживании» КНР. Следует ожидать сохранения первоочередной направленности НАТО на противодействие России, однако вероятно определенная вовлеченность Альянса и в конфронтацию с Китаем.

В 2022–2023 гг. была четко сформулирована перспективная модель группировок ОВС НАТО. С учетом сокращения численности национальных ВС по сравнению с концом 1980-х гг., их достаточно медленным ростом [15, р. 12], это делало потенциал группировок Альянса количественно бульшим, чем он был в предшествующую холодную войну, притом несоизмеримо лучше организованным в плане обеспечения многосторонности и содержащим относительно ограниченный вклад США.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1966 г. Пятая республика вышла из военных структур НАТО, вернувшись в 2009 году.

² Все даны в своем расположении с севера на юг.

³ В данном случае речь не идет о расформировании соединения или части, когда решение об этом принималось на национальном уровне (прежде всего, из-за продолжавшихся сокращений численности личного состава ВС конкретной страны-участницы НАТО).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллисон Г., Зеликов Ф. Квинтэссенция решения. На примере Карибского кризиса. М.: URSS, 2011. 528 с.
2. В Национальном центре управления обороной состоялось заседание Коллегии Минобороны России. 09.08.2023. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12475342@egNews#txt
3. Данилов Д. А. Глобальные горизонты атлантического Альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31. DOI: 10.15211/soveurope520211931
4. Золотарев В. А., Путилин Б. Г., Серегин В. И., Серегин В. П. Организация Варшавского договора. 1955–1991. История. Стратегия. Политика. М.: Кучково поле, 2023. 576 с.
5. Иванов О. П. Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике // Обозреватель. 2022. № 11-12. С. 5–16. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_11-12_5
6. Истомина И. А. Управление обязательствами в асимметричных альянсах // Международные процессы. 2021. № 1. С. 26–55. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.1
7. История военной стратегии России / под ред. ген.-майора В. А. Золотарева. М.: Кучково поле, 2000. 592 с.
8. Корниенко Г. М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М.: Междунар. отношения, 1994. 288 с.
9. Лауч З. Основы оперативного мышления НАТО. М.: Аквариус, 2022. 265 с.
10. Манойло А. В. Современные подходы Европейского союза к созданию собственных вооруженных сил // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 75–94. DOI: 10.31249/ape/2020.04.04
11. Сидоров А. С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07
12. Чернега В. Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 114–136. DOI: 10.31249/ape/2020.04.06
13. Armee der Einheit 1990–2000. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 2000. 48 S.
14. Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? // Egmont Policy Brief. 2022. № 285. September. 6 p.
15. Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). 07.07.2023. Brussels, NATO, 2023. 16 p. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_216897.htm?selectedLocale=en
16. Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/>
17. Financial and Economic Data Relating to NATO Defence. Press Release M-DPC-2 (92)100. Brussels, NATO, 1992. 8 p. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1992_12/20100827_1992-100.pdf
18. Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. 1990. № 44. 12 S.
19. Ganser D. NATO's Secret Armies – Operation Gladio and Terrorism in Western Europe. London: Routledge, 2005. 336 p.
20. Gray C. S. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century. Carlisle: Strategic Studies Institute, 2011. 73 p.
21. Heer. 2023. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer>
22. ISAF Mission in Afghanistan (2001–2014). 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_69366.htm
23. Koivula T. The European Union and the Use of Military Force. London: Routledge, 2016. 158 p.
24. Madrid Summit Declaration. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm
25. Miller D. Military Force (Dilemmas in Democracy). London: Cavendish Square, 2019. 80 p.
26. NATO 2022 Strategic Concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels, NATO HQ, 2022. 13 p.
27. NATO and European Security: Alliance Politics from the End of the Cold War to the Age of Terrorism / eds.: A. Moens, L. J. Cohen, A. G. Sens. London: Praeger, 2003. 216 p.
28. NATO Response Force. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm
29. NATO's Military Presence in the East of the Alliance. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm
30. New NATO Force Model. 08.07.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf
31. The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.
32. The US Military Presence in Europe has been Declining for 30 Years – the Current Crisis in Ukraine May Reverse that Trend. 25.01.2022. URL: <https://theconversation.com/the-us-military-presence-in-europe-has-been-declining-for-30-years-the-current-crisis-in-ukraine-may-reverse-that-trend-175595>
33. Vilnius Summit Communiqué. 11.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en

REFERENCES

1. Allison G., Zelikov Ph. *Kvintjessencija reshenija. Na primere Karibskogo krizisa* [Essence of Decision. Explaining the Cuban Missile Crisis]. Moscow, URSS, 2011. 528 p.
2. *V Natsionalnom tsentre upravleniya oboronoj sostoyalos zasedanie Kollegii Minoborony Rossii* [A Meeting of the Collegium of the Ministry of Defense of Russia Was Held at the National Defense Control Center], Aug. 9, 2023. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12475342@egNews#txt
3. Danilov D.A. Globalnye gorizonty atlanticheskogo Alyansa: «vaktšina» Baidena [Global Horizons of the Atlantic Alliance: The Biden “Vaccine”]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2021, no. 5, pp. 19-31. DOI: 10.15211/soveurope520211931
4. Zolotarev V.A., Putilin B.G., Seregin V.I., Seregin V.P. *Organizacija Varshavskogo dogovora. 1955–1991. Istorija. Strategija. Politika* [Organization of the Warsaw Pact. 1955–1991. Story. Strategy. Policy]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2023. 576 p.
5. Ivanov O.P. Transformatsiya NATO: ot potepleniya klimata do zamerzaniya v politike [NATO Transformation: From Climate Warming to Freezing in Politic]. *Obozrevatel* [Observer], 2022, no. 11-12, pp. 5-16. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_11-12_5
6. Istomin I.A. Upravlenie obyazatelstvami v asimmetrichnykh alyansakh [Management of Security Commitments in Asymmetric Alliances]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2021, no. 1, pp. 26-55. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.1
7. Major General V.A. Zolotarev, ed. *Istoriya voennoj strategii Rossii* [The History of Military Strategy of Russia]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2000. 592 p.
8. Kornienko G.M. «Holodnaja vojna». *Svidetelstvo ejo uchastnika* [“Cold War”. Evidence of Memory of Its Participant]. Moscow, Mezhdunar. otnoshenija Publ., 1994. 288 p.
9. Lauch Z. *Osnovy operativnogo myshlenija NATO* [Fundamentals of NATO Operational Thinking]. Moscow, Akvarius Publ., 2022. 265 p.
10. Manoilo A.V. Sovremennye podkhody Evropejskogo soyuza k sozdaniyu sobstvennykh vooruzhennykh sil [Modern Approaches of the European Union to Creating Own Armed Its Forces]. *Aktualnye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], 2020, no. 4, pp. 75-94. DOI: 10.31249/ape/2020.04.04
11. Sidorov A.S. «Evropejskaya oborona» cherez prizmu frantsuzskikh interesov i vozmozhnostei [European Defence Through the Prism of France’s Interests and Capabilities]. *Aktualnye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], 2020, no. 4, pp. 137-169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07
12. Chernega V.N. Podhody k sozdaniju «evropejskoj oborony» vo Francii [Various Approaches to Building of “European Defence” in France]. *Aktualnye problem Evropy* [Current Problems of Europe], 2020, no. 4, pp. 114-136. DOI: 10.31249/ape/2020.04.06
13. *Armee der Einheit 1990–2000*. Bonn, Bundesministerium der Verteidigung, 2000. 48 S.
14. Biscop S. The New Force Model: NATO’s European Army? *Egmont Policy Brief*, 2022, no. 285, September. 6 p.
15. *Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023)*. 07.07.2023. Brussels, NATO, 2023. 16 p. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_216897.htm?selectedLocale=en
16. *Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe*. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/>
17. *Financial and Economic Data Relating to NATO Defence. Press Release M-DPC-2 (92)100*. Brussels, NATO, 1992. 8 p. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1992_12/20100827_1992-100.pdf
18. Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. *SOWI-Arbeitspapier*, 1990, no. 44. 12 S.
19. Ganser D. *NATO’s Secret Armies – Operation Gladio and Terrorism in Western Europe*. London, Routledge, 2005. 336 p.
20. Gray C.S. *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century*. Carlisle, Strategic Studies Institute, 2011. 73 p.
21. *Heer*. 2023. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer>
22. *ISAF Mission in Afghanistan (2001–2014)*. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_69366.htm
23. Koivula T. *The European Union and the Use of Military Force*. London, Routledge, 2016. 158 p.
24. *Madrid Summit Declaration*. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm
25. Miller D. *Military Force (Dilemmas in Democracy)*. London, Cavendish Square, 2019. 80 p.
26. *NATO 2022 Strategic Concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022*. Brussels, NATO HQ, 2022. 13 p.
27. Moens A., Cohen L.J., Sens A.G., eds. *NATO and European Security: Alliance Politics from the End of the Cold War to the Age of Terrorism*. London, Praeger, 2003. 216 p.

28. *NATO Response Force*. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm

29. *NATO's Military Presence in the East of the Alliance*, 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm

30. *New NATO Force Model*, 08.07.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf

31. *The Bundeswehr on Operations*. Berlin, Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

32. *The US Military Presence in Europe Has Been Declining for 30 Years – The Current Crisis in Ukraine May Reverse That Trend*, 25.01.2022. URL: <https://theconversation.com/the-us-military-presence-in-europe-has-been-declining-for-30-years-the-current-crisis-in-ukraine-may-reverse-that-trend-175595>

33. *Vilnius Summit Communiqué*, 11.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en

Information About the Author

Philipp O. Trunov, Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovskiy, 51/21, 117418 Moscow, Russian Federation, 1trunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

Информация об авторе

Филипп Олегович Трунов, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, просп. Нахимовский, 51/21, 117418 г. Москва, Российская Федерация, 1trunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>